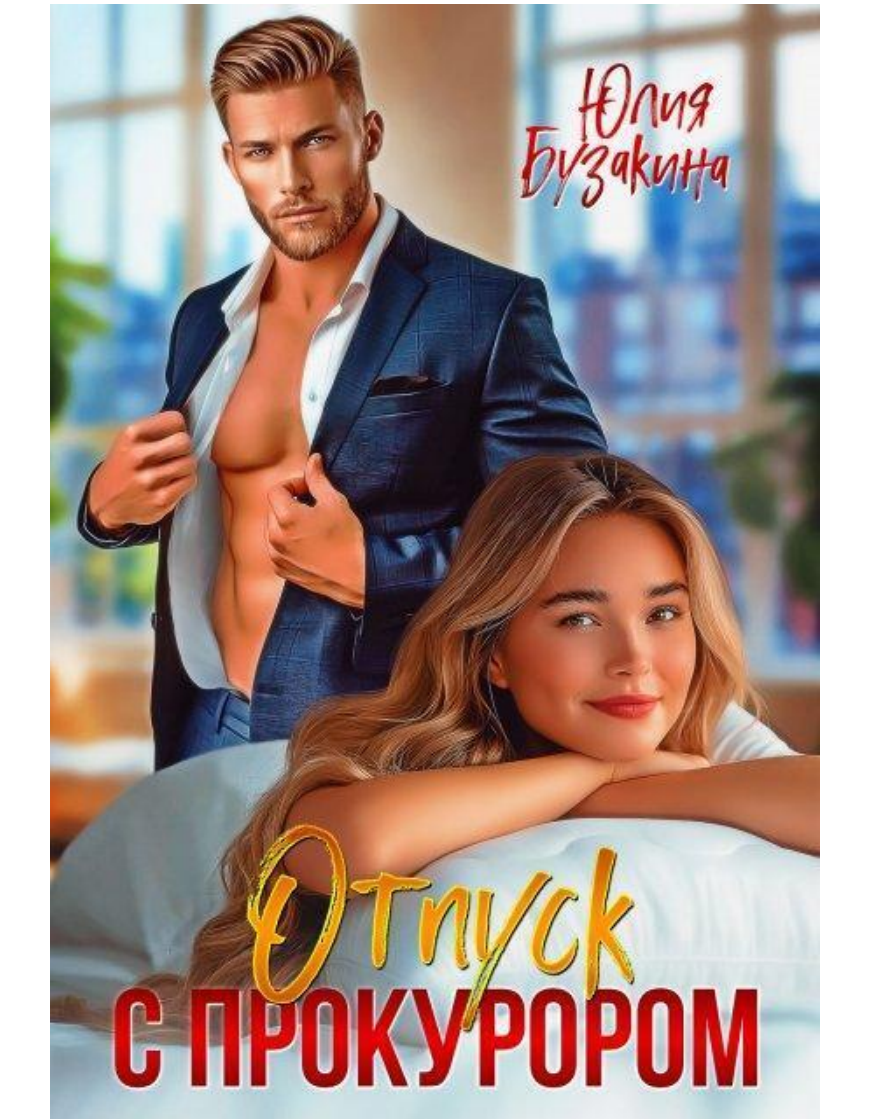

A movie poster featuring a man and a woman. The man, with a beard and short brown hair, is wearing a dark blue blazer over a white shirt, which is open at the collar. He is standing and looking towards the camera. The woman, with long blonde hair, is lying down in the foreground, resting her chin on her arms, and looking towards the camera with a slight smile. The background is a bright, out-of-focus indoor setting with large windows.

Юлия
Бузакина

Отпуск
С ПРОКУРОРОМ

Юлия Бузакина

Отпуск с прокурором

<https://litres.ru/74215484>

Аннотация

Новый прокурор – мужчина мечты. Статный, целеустремленный блондин с голубыми глазами уверенно идет по жизни вперед, сражая наповал своей харизмой. А как ему идет темно-синяя форма! Увы, слишком яркий контраст составляет этот мужчина с моей невзрачной персоной. И мне не понять, для чего со вчерашнего дня он приказал назначить меня помощницей, когда вокруг так много достойных претенденток. В книге есть: очаровательный властный герой ♥# нежная героиня, встреча через время, остросюжетно! Чтец Ольга Куликова ♥# Печатную версию можно купить на озон и валберис

НОВИНКА - НОЧЬ С АДВОКАТОМ здесь:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	47
Глава 7	59
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1

— Слышала? Наш новый прокурор приказал перевести Лизу Котову в помощницы к начальнику отдела, а вместо нее поставил замухрышку. — Приглушенный голос Иры из отдела планирования и мониторинга цифровой трансформации не спутать, слух у меня отменный, как у кошки.

Смешок ее коллеги Оли Куликовой тоже хорошо узнаваем.

Стою, прижимаясь щекой к прохладной стене с другой стороны пыльного архива, а глаза обжигают непрошенные слезы. Замухрышка! Какое обидное прозвище! Хотя куда мне тягаться с Котовой? Лиза в прошлом году на конкурсе красоты заняла второе место — она у нас теперь ходит в звании «Леди прокуратуры».

— Начальник отдела сказал, что прокурору виднее, — задумчиво выдает Куликова.

— Но Котова проработала три года у прежнего шефа! Зачем Льву Борисовичу это огородное пугало рядом? — не унимается Ира. — Ее дальше цокольного этажа пускать нельзя. Она же его репутацию на корню загубит! Посмотрят, кто сидит в приемной, и та-а-акие слухи поползут! А прокурор фигура публичная, ему слухи ни к чему.

Зрение у меня плохое, но слух хороший. Слышится звук удаляющихся шагов, и из груди рвется вздох облегчения.

Выбираюсь из-за стеллажа с пыльными папками и первым делом нащупываю упавшие на пол очки. Неприятно слушать о себе гадости, да только ничего с этим не поделаешь. Я и сама не понимаю, для чего новый прокурор выдернул меня из отдела документационного обеспечения на цокольном этаже и посадил в приемную. Воспринимаю это как насмешку. Да и для меня он вовсе не прокурор! Мы с ним юрфак вместе оканчивали пять лет назад. Лёва Ключников, краса курса и староста нашей группы, был тогда для меня всем. Говорят, первая любовь запоминается надолго. Для меня — на всю жизнь. Его поцелуи, ласки — все пролетело, как один миг. Лёву отец отправил в Москву в магистратуру, а я... Страшные воспоминания захлестывают огромной темной волной, и я уговариваю себя дышать по методике, которой меня научил психотерапевт в центре реабилитации. Через пару минут сосредоточенного дыхания меня отпускает. Образы, которые преследуют меня по ночам, потихоньку отползают обратно в глубины подсознания. Стараясь не смотреть на свое отражение в зеркале, торопливо поправляю форму, и глаза снова обжигают слезы. Аккуратно перебираю папки, забираю нужную информацию и прячу нужную папку в сумку. «Что было, то прошло, — уговариваю себя. — Незачем ворошить».

Вешаю на плечо объемную сумку, поднимаюсь по лестнице наверх. Иры и Оли уже след простыл. Я тоже спешу на свое новое рабочее место. Самооценка, которая и так невы-

сока, после подслушанного разговора коллег падает ниже плинтуса. Замухрышка... Придумали же прозвище!

Июльская жара грозитя меня добить. Начало девятого, а уже душно, как в печке, еще и сплит-система вышла из строя на всем этаже. Что будет в обед, остается только догадываться. Хорошо, что сегодня последний рабочий день. Завтра я выхожу в отпуск, и мои страдания из-за внезапного назначения на новую должность ненадолго отойдут на задний план, потому что оказаться с Ключниковым в одном кабинете спустя пять лет попыток его забыть — это как босиком по стеклам.

Вот и приемная нового прокурора. Толкаю плечом тяжелую дверь — и я на рабочем месте.

В приемной натыкаюсь на Лизу Котову. Красива и безупречна — другими словами ее не описать. Сегодня она не в форме, а в стильном брючном костюме цвета кофе с молоком, который очень выгодно подчеркивает цвет ее глаз.

— Доброе утро. — Снова чувствую себя не в своей тарелке от того, что меня со вчерашнего дня поставили на ее место.

— Слушай, пугало огородное, я просто так тебе свое место не отдам, поняла?!

— А что ты сделаешь? Это приказ, — усмехаюсь с бравადой, но бравада эта напускная.

Одно мгновение — и острые коготки Котовой оказываются у моей щеки. Да только я, может, и пугало, но спорт под-

готовка у меня по-прежнему на высоте.

Перехватываю руку в миллиметре от своего лица. Чудом избежав царапин, с силой толкаю ее к стене, но Лиза тоже не промах — дергает меня за волосы.

— Мы с тобой еще не закончили, очкарик! — шипит она мне на ухо.

Как назло, новый прокурор входит в приемную.

Мы с Котовой шарахаемся друг от друга.

— Доброе утро, Лев Борисович! — Вытягиваемся перед ним по стойке смирно. Контраст очевиден: стильная красotka Лиза в стильном костюме не идет ни в какое сравнение с моей персоной.

— Доброе? — Он машинально кивает, но в его голубых глазах плещется недовольство, смешанное с удивлением.

Лиза красивым движением поправляет свои длинные черные волосы, подхватывает коробку с вещами и, стуча каблучками туфель, гордо направляется к выходу.

Хлопает дверь, и я остаюсь наедине с новым начальником. И снова ощущение, что я стою босиком на стеклах, медленно режущих мои ступни.

— Ася, все в порядке? — В голубых глазах прокурора отражается тревога.

— Да, Лев Борисович, — хмурюсь, поправляя очки, а затем и форму. Почему-то мне хочется плакать от ощущения собственного бессилия. — Сделать вам кофе? — бурчу дежурное.

— Буду премного благодарен. — Он не сводит с меня глаз, изучает так пристально, что я ежусь от его прямого взгляда.

«Не смотри на меня! Я уже не такая, как раньше! Прежнюю Асю не вернуть. Она погибла там, под завалами, в страшном подвале, где ее чудом обнаружили спасатели через несколько суток после обрушения. — Сердце сжимается. — Да и предателей я не прощаю. Сделаем вид, что мы незнакомы. Так будет лучше для всех».

— Ася, зайдите ко мне в кабинет в конце рабочего дня, — не спуская с меня глаз, чеканит прокурор. — У меня есть к вам приватный разговор.

Отвожу взгляд. Что ему еще нужно? Какой еще приватный разговор?

Глава 2

Ася

День тянется очень медленно. Жара грозитя меня до-бить. Пальцы летают по клавишам, набирая очередной доку-мент, а мозг плавится от горячего, как в печке, воздуха. Как назло, сплит-система в приемной и холле вышла из строя, а починить ее обещают только завтра.

Все сотрудники со второго этажа возмущаются, и даже у меня, самой невзрачной и терпеливой «серой мышки», ис-сякает терпение.

Отодвигаю клавиатуру в сторону и поправляю очки, кото-рые от духоты сползли на переносицу. Как хорошо, что зав-тра я выхожу в отпуск! Целый месяц я буду валяться на ди-ване и читать любимые женские детективы.

В телефоне громко звякает сообщение. Я нехотя смотрю на экран, и у меня сосет под ложечкой от нехорошего пред-чувствия: сообщение пришло от моей бедовой подружки Ка-терины, с которой мы не созванивались уже целую вечность.

Катя работает в турагентстве, и в отличие от меня она живет яркой, насыщенной жизнью. Своей миссией Катерина выбрала цель спасти меня от угрюмого затворничества. Це-леустремленности Кати я сопротивляюсь весьма отчаянно, и у меня есть на то веские причины, о которых я стараюсь не вспоминать.

«Есть две горящие путевки в Сочи на десять дней. Отель в центре города дает хорошую скидку. До пляжа пешком всего десять минут. Поехали?»

Я напряженно сглатываю. Стопка новеньких детективов, которые я планировала прочесть за отпуск, нервно вздрагивает. Но ответить отказом на сообщение Катюхи я не успеваю: дверь кабинета распахивается, и на пороге появляется наш новый прокурор.

Я с досадой отвожу взгляд: слишком яркий контраст составляет Лев Борисович Ключников с моей невзрачной внешностью. Статный, целеустремленный блондин с голубыми глазами, он уверенно идет по жизни, сражая наповал своей харизмой и холодным ароматом мужской туалетной воды, название которой я успела узнать в парфюмерном магазине. А как ему идет темно-синяя форма!

Не то чтобы я питала надежды на его счет: у нас с неуставными отношениями весьма строго, да и неприметная Ася совершенно точно не может оказаться рядом с таким красивым и успешным мужчиной, но аромат его туалетной воды настолько приятен, что вчера после работы я не удержалась и свернула в отдел парфюмерии. Перенюхав все мужские духи, я наконец нашла тот самый аромат и купила маленький флакон, зажмурившись на ценник. Глупо, знаю, но теперь этот флакон стоит у меня на туалетном столике, и перед сном я могу украдкой открыть его, чтобы окунуться в аромат, который исходит от нового прокурора.

Не знаю, кто решил, что в нашем спокойном округе всем должен заправлять такой деятельный мужчина, как Ключников, но этот кто-то явно подкинул нам проблем. В отличие от прошлого прокурора, ведущего весьма умеренную деятельность, новый прокурор — карьерист до мозга костей. И, возможно, я бы никогда не оказалась на месте его помощницы, но как только он вступил в должность, сразу потребовал найти сотрудника, который умеет быстро печатать и схватывать информацию на лету, а не улыбаться и красиво подавать кофе. Так в его приемной вместо яркой Лизы Котовой появилась я, Ася из отдела документационного обеспечения на цокольном этаже рядом с архивом. Котову с радостью забрал к себе начальник отдела, но со вчерашнего дня она меня ненавидит, а мне очень тяжело внезапно стать мишенью для насмешек всех трех этажей. Ведь и так понятно, что роль помощницы прокурора я не потяну...

Отпустив журналиста, которому он целых полтора часа давал развернутые ответы на вопросы, Ключников останавливается перед моим столом.

— Ася, зайдите ко мне в кабинет.

Я напрягаюсь: что ему понадобилось в конце рабочего дня, да еще и приватно?

— Да, Лев Борисович, уже бегу.

Перед ним я теряюсь. Не думать о нас я не могу. Каждый миг сердце гулко стучит о ребра, напоминая о том, как сильно я его любила, о наших поцелуях в городском парке на ла-

вочке после лекций, о студенческих посиделках, о танцах до самого рассвета...

После случившегося со мной кошмара я и так немногословна, но стоит Льву Борисовичу заговорить со мной, как язык и вовсе отказывается выдавать нужные фразы, заменяя их на невнятное мычание.

Поднявшись из-за стола Лизы Котовой (почему-то я не могу до конца поверить в то, что этот стол отныне мой, а не ее), я послушно следуя за прокурором в его кабинет.

— Присаживайтесь, Ася, не стесняйтесь. — Ключников дружелюбно смотрит на меня и указывает на место для посетителей.

Я опускаюсь на стул, мечтая не упасть в обморок, и выжидающе смотрю на него. Что он скажет? Что моя миссия провалена и я возвращаюсь в отдел документационного обеспечения на свое привычное место? Честно говоря, это было бы здорово. Рядом с ним я ощущаю жуткий дискомфорт. Между нами слишком большой контраст, а ведь помощник должен дополнять своего руководителя.

— Я смотрел твое личное дело. — Его слова — как гром среди ясного неба.

Я нервно сглатываю и вжимаюсь в кресло.

— Ася! Я не понимаю...

Все, маски сброшены. Нет никакого прокурора. Есть Лёва, есть Ася. И огромная пропасть между нами. Пропасть, через которую не перебросить мосты.

— Что... не понимаете? — Не хочу с ним на «ты»! Он ведь меня бросил тогда. Уехал, даже не попрощавшись. Нет, не навести мосты пять лет спустя.

Ключников нервничает, вскакивает со своего места и прохаживается по кабинету, безумно сексуально проводит рукой по светлым волосам.

— Ты же была лучшей на курсе! У тебя хорошая физподготовка, отличная правовая база! Ты можешь занять достойное место в следственном отделе! Ты ведь всегда мечтала стать следователем по особо важным делам, так почему вместо этого прячешься за пыльными папками в отделе документационного обеспечения?

— Я так решила, — сбивчиво шепчу, ощущая, как по спине от дикого напряжения скатываются капли пота. — Скажите, Лев Борисович, вы разочарованы? Я плохо справляюсь с обязанностями, и вы позволите мне вернуться в мой неприметный отдел?

Горько усмехнувшись, он отодвигает папку с личным делом в сторону.

— На цокольный этаж в полуподвальное помещение, где тебя никто никогда не увидит? Ты этого хочешь?

Я робко киваю.

— Так было бы лучше всего. Я уже три года, как архивист. А к вам бы вернулась Лиза Котова. Это ее место. Прежнего прокурора все устраивало.

— Меня устраиваешь ты! Поверь, меня даже устраивает

маска, за которой ты прячешься... полагаю, после того случая, который упоминается в личном деле и повлиял на твою жизнь не лучшим образом. Ты частично лишилась зрения, но это же не повод хоронить себя в архиве.

Я вспыхиваю. Горло горит, пульс подскочил, ладони вспотели.

— Хватит! Достаточно красивых фраз! Если я работаю в отделе документации, значит, у меня есть на то причины.

Он останавливается передо мной. В его глазах плещется недоумение.

— Какие причины, Ась?! Я возвращаюсь домой через пять лет, и что я вижу? Девушка, которая всегда шла к цели напролом, внезапно превращается в затворницу! Где твой задор, где тот блеск в глазах?!

Я пожимаю плечами.

— Их больше нет. Осталось то, что осталось. Так что будет лучше, если вы позволите мне вернуться в свой любимый отдел. Там я в безопасности.

Ключников пристально рассматривает меня, как будто пытается найти ответы на нужные ему вопросы.

— Ты чего-то опасешься?

— С некоторых пор много чего. Но это личное. Я не собираюсь ни с кем им делиться.

Наши взгляды встречаются. В моем твердое «нет», и Ключников сбавляет обороты.

— Ладно, извини, я не должен был... Ась, я бы не вызывал

тебя к себе в кабинет, но у меня возникла весьма деликатная проблема, и только ты можешь мне помочь ее решить, — произносит он с расстановкой.

— Что, есть проблема серьезнее сломанной сплит-системы?

— Еще какая! Завтра вечером заместитель главы администрации проводит одно важное мероприятие, и там надо присутствовать.

— Хвостов? — морщусь, как от головной боли. Если в городе и есть самый неприятный человек, так это заместитель главы администрации Анатолий Хвостов. Это он приказал закрыть мое дело за недостатком улик.

— Он, да. Мне нужна спутница, которая все будет схватывать на лету.

— Нет, нет, нет! Это исключено! — Я отчаянно машу руками.

— Ася, я вернулся в город совсем недавно. Работа отнимает все мое свободное время. Поверь, если бы у меня была женщина, которой можно было доверять, я бы смело взял ее с собой. Увы, таких женщин нет, поэтому я вынужден просить тебя пойти со мной. Поверь, ты будешь в полной безопасности! Надо будет всего лишь красиво уложить волосы, сделать макияж и надеть вечернее платье.

Я поднимаюсь со своего места. Пячусь к двери. Как же красиво он говорит. Недаром прокурор.

— Нет, нет, и еще раз нет! — молвлю дрожащим голосом.

— И не «ты, Ася», а «вы»! Не надо мне «тыкать». То, что мы когда-то были знакомы, не имеет никакого значения в настоящем.

В его глазах мелькает затаенная боль. Или мне кажется?

— Хорошо, приношу свои извинения. Больше никакого «ты»! — с досадой чеканит он.

— Да и с чего вы взяли, Лев Борисович, что мне можно доверять?

— Полагаюсь на интуицию. Она меня еще ни разу не подвела.

— Возьмите Котову!

— Она не подходит. Достаточно хорошо я знаю только одного человека, и это вы, Ася.

«Вы» он произносит подчеркнуто, с издевкой, как будто не верит, что мы больше не одна команда, как было раньше, и надо соблюдать субординацию.

Я качаю головой.

— У меня нет вечернего платья.

— Будет. Просто дайте свое согласие. Мероприятие начинается завтра в шесть.

В его взгляде мелькает мольба, и я осторожно выдыхаю.

— Вы обещаете, что я буду в безопасности?

— Я не отойду от вас ни на шаг.

— Тогда я согласна. Ищите платье.

Ключников смягчается.

— Отлично. Платье доставят завтра. Я заеду за вами в

пять вечера. Надеюсь, моя просьба не нарушит ваши планы.

Несколько мгновений мы молчим. Смотрим друг на друга неотрывно, как будто пытаемся нащупать что-то давно ускользнувшее, близкое.

— Я живу там же, — произношу тихо.

Ключников удивлен.

— Разве вам не подарили квартиру?

— Мне?

С губ срывается смешок. С чего он взял, что мне кто-то мог что-то подарить?

— Нет, к сожалению, богатых спонсоров у меня никогда не было.

Он недоверчиво усмехается. В глазах колкий лед.

— Надо же, а у меня другая информация.

Хмурюсь. О чем он? Впрочем, не важно.

— Я могу идти? — произношу тихо с надеждой поскорее избавиться от его общества.

— Конечно, идите.

Оказавшись в приемной, наконец, выдыхаю. Какая же это пытка – видеть его после стольких лет молчания! И с чего он взял, что кто-то подарил мне квартиру? Что ни говори, а хорошо, что завтра у меня отпуск!

Будто чувствуя мой настрой, телефон вибрирует сообщением от Катюхи: «Мы в Сочи едем, или как?»

Жмурюсь. Не люблю я море и солнце!

Прокурор распахивает дверь своего кабинета и стреми-

тельно покидает приемную. Провожая его взглядом и чувствую, как сердце раскалывается на две половинки.

«Я подумаю», — пишу ответное сообщение подруге.

«Думай быстрее!» — летит ответка. Нет, все же Катя неисправимая оптимистка.

Глава 3

Прокурор

Выхожу из кабинета и иду по холлу. Просто не могу находиться рядом с Асей, эмоции зашкаливают. Память услужливо переносит меня на пару дней назад, когда я случайно столкнулся с ней на пороге у входа в главное управление. На миг мне показалось, что я обознался! Нет, не могла моя Ася, та самая Ася, превратиться в то, что предстало взору!.. Она ведь и горы могла свернуть, если бы понадобилось для достижения цели. За те годы, что мы не общались, я бы мог ее представить кем угодно, но только не архивистом! Что могло заставить такую деятельную натуру внезапно сменить ориентир и закрыться от всего мира?

Послеполуденная жара расплзается под одеждой, грозя свести с ума. Платье давно лежит в моей машине, я купил его вчера вечером, когда стало ясно, что от Хвостова не отвертеться. Скользкий тип! А еще больше мне не понравился его сын, Костя Хвостов, с которым накануне мы случайно пересеклись возле здания городского суда. Костя всего на пару лет старше меня, но этот его взгляд полный безнаказанности и всевластия!.. Руки чешутся сбить с него спесь!

Я бы мог взять на это мероприятие любую девушку, в том числе и красотку Котову. Но я имею привычку тщательно подбирать сотрудников и внимательно читать их личные де-

ла. Ася... Моя несчастная любовь, которая закончилась через год после окончания института, никак не давала мне покоя.

Ася окончила юридический факультет с отличием, но, как внезапно выяснилось, она отчего-то уже три года пряталась, не желая заниматься тем, что давалось ей лучше всего.

Говорят, первая любовь самая яркая. В моем случае забыть ее не получилось. Это я четко ощутил, вернувшись в родной город. И теперь, когда мы с Асей снова оказались так близко, я хочу знать, почему пять лет назад она мне изменила. Тогда я был молод, горяч, и у меня не было никакого желания выяснять подробности того, почему меня предали.

Спускаюсь на первый этаж, тут немного прохладнее. Подхожу к окну и бесцельно пялюсь взглядом на усохшие туи в клумбе. Перед глазами до сих пор стоят фотографии, которые тогда мне предоставили отец и старший брат. На них Ася в постели со взрослым мужчиной. Отец сказал, что пока я учусь в Москве, она нашла себе спонсора здесь, поближе к дому, и что иногородние всегда так поступают: выбирают то, что выгоднее. Что спонсор купил ей квартиру и полностью содержит, а надо мной и моей любовью они вместе смеются, особенно, когда читают хором мои стихи. Да, было со мной в молодости, я ей стихи писал — так она меня цепляла. С досадой провожу по лицу рукой: до сих пор неловко вспоминать, каким я был глупцом.

Понятно, что порвать с ней все связи, не объясняясь, было

единственным верным выходом. У меня состоятельная семья, отец и брат — известные адвокаты, и нельзя было позволить какой-то провинциалке вот так запятнать нашу фамилию.

Но вот я здесь. Она передо мной. Что с ней случилось? Где та яркая штучка, что давала фору любой красотке? Откуда эти страшные очки? И где ее хваленый спонсор? Где квартира, которую он ей подарил? Почему она до сих пор живет в общежитии, которое еще пять лет назад давали иногородним, а главное — почему в личном деле пометка «ПТСР»?

К своему кабинету, что рядом с отделом кадров, торопится штатный психолог Надежда Коротаева.

— Здравствуйте, Лев Борисович, — приветливо улыбается она.

Я оживляюсь. Может, психолог сможет прояснить ситуацию, связанную с пометкой в личном деле Аси?

— Надя, у меня есть к вам пара вопросов, — останавливаю ее. — Это касается моего нового сотрудника.

— Конечно, Лев Борисович.

Она открывает дверь и пропускает меня в кабинет. Осматриваюсь. Миленько у нее здесь: фиалки на подоконниках, мягкие кресла для посетителей, даже занавески на окнах вместо стандартных жалюзи. Благодаря занавескам солнце не так сильно нагрело воздух в помещении, и я с удовольствием усаживаюсь в мягкое кресло. Нет, все же сутки без сплит-системы — это издевательство над сотрудниками про-

куратуры!

— Хотите холодной минералки? — оборачивается ко мне психолог. — Кажется, мне удалось донести ее до кабинета, и она не закипела.

Испытующе смотрю на нее.

— Не откажусь.

Она улыбается, достает два стакана и открывает бутылку ледяной воды, которая еще не успела согреться.

— О ком речь?

— О Киреевой. Что с ней случилось?

Она ставит передо мной стакан с холодной минеральной водой и качает головой.

— Ох, Лев Борисович, я не имею права рассказывать о секретах своих клиентов!

— Но в том, что вы поставили в ее деле пометку ПТСР, тайны нет?

— Нет, конечно.

— Хотя бы просветите меня о том, что это значит.

Надя протягивает мне стакан с холодной водой и садится напротив меня.

— Одна из задач, стоящих перед психологической службой — обеспечение высокого уровня профессионализма личного состава. Посттравматическое стрессовое расстройство Аси Киреевой — тяжёлое психическое состояние, возникшее в результате события, оказавшего сильное негативное воздействие на ее психику. Травматичность события тес-

но связана с ощущением собственной беспомощности из-за невозможности эффективно действовать в опасной ситуации. Асе противопоказаны эмоциональные перегрузки, с которыми связана работа следственного комитета, именно поэтому она поменяла квалификацию три года назад.

— Что с ней произошло?

— В одном частном доме после взрыва произошло обрушение. Асю спасли по чистой случайности, исключительно потому, что собака одного из сотрудников МЧС упорно не хотела уходить от завалов. Хотите подробностей — спросите у Аси.

Я хмурюсь.

— Она напрочь отказывается об этом говорить. Но я помню ее совсем другой! Это два разных человека — та Ася и новая...

— Иногда события влияют на нас не самым лучшим образом. Поговорите со следователем, который вел ее дело три года назад. Хотя он вам вряд ли чем-то поможет. По моим сведениям, тот следователь давно уволился, а дело закрыли. Единственный, кто может вам помочь восстановить цепочку событий — один из сотрудников МЧС, Николай Гладков. Это его собака нашла Асю Кирееву.

— Гладков... знакомое что-то. — Озадаченно потираю подбородок. На слуху у меня эта фамилия. Да разве припомнишь всех, кто был в знакомых пять лет назад?

Посматриваю на часы — почти пять. Отправить запрос

МЧС-никам?

В мобильнике сверкает срочное сообщение.

Смотрю на экран — от мамы. Она чувствует, что я не хочу сегодня появляться в родительском доме.

«Лева, ты же не забыл, что в семь вечера тебя будут ждать гости? Я очень старалась. Кстати, моя близкая подруга будет со своей дочерью Ариночкой. Очень хорошая девочка: два высших образования, работает в фирме дизайнером, своя машина, квартира, внешне — куколка. Прислать тебе ее фото?»

Стискиваю зубы от досады. Моя мама решила, что мое назначение не обойти стороной, и сегодня вечером устраивает званый ужин. А поскольку я — младший сын, безграничную любовь моей мамочки ничем не погасить. И от ужина никак не отвертеться: я пока еще не нашел себе жилье и временно занимаю спальню на втором этаже в родительском доме. Уверен, на званый ужин мать и отец позовут всех друзей семьи и партнеров по работе. Степан, старший брат, тоже придет с женой и спиногрызами.

— Лев Борисович, может, отправить в МЧС официальный запрос? — возвращает меня в реальность Надежда.

— Нет, не стоит, — останавливаю ее. — Спасибо, что прояснили ситуацию.

Я хочу поговорить с Гладковым лично. Мне ни к чему официальные запросы, ведь дело у меня сугубо личное. Завтра Ася выходит в отпуск, а я разгадаю ее тайну. И сам не

пойму, зачем я в это ввязываюсь. Ради девчонки, которая меня предала? Но почему-то у меня по-прежнему болит за нее сердце, а пытливый ум требует ввязаться в приключение и выдернуть ее из странной скорлупы, в которую она себя заключила.

По дороге к машине набираю маму.

— Левушка, как я рада тебя слышать! Не опаздывай, сынок, это важно! — На заднем фоне звенит посуда, и я даже чувствую аппетитные запахи маминых блюд, которыми она собирается потчевать друзей и партнеров на званом ужине.

— Мам, давай без глупостей, а?! — раздраженно рычу, открывая машину.

— Ты о чем?

— Не надо мне никого сватать! Я этого не люблю, ты же знаешь!

— Лева, жена нужна прокурору как воздух! Ну сам посудди, кому больше доверия — холостому или семейному человеку? Конечно, семейному! А мама плохого не предложит! Я эту Ариночку со всех сторон изучила. Мне частный детектив всю ее подноготную выложил. Я знаю ее рост, вес, размер одежды, и когда она в последний раз посещала стоматолога и гинеколога. Там, кстати, тоже все отлично. Зубы и репродуктивная система у нее в полном порядке. У вас получатся чудесные детки!

Плюхаюсь на горячее сиденье и закатываю глаза.

— Какой еще детектив, мам?! Ты что, наняла частного де-

тектива, чтобы узнать тайны дочери подружки?!

— А как же иначе? Моя будущая невестка должна быть проверена со всех сторон! Подвоха я не потерплю... Алло, Лёва, ты меня слышишь?..

Шумно выдыхаю и отбрасываю мобильник в сторону. Кажется, я съеду из дома родителей раньше, чем планировал.

Из здания выходит Ася. Идет тихонько по аллее, прижимая к себе сумку. Сейчас она без очков. Даже без грамма косметики, с собранными в строгий пучок волосами, она очень напоминает ту Асю, которую я когда-то любил. Подходит к мороженщику, покупает самый простой пломбир и с удовольствием его пробует.

Почему-то я чувствую, как от желания купить второе мороженое и прогуляться с ней по аллее, вот так, беззаботно, поглощая быстро таящее лакомство, сводит скулы. Испепеляю его на корню.

Откидываюсь на сиденье, включаю сплит-систему и прикрываю глаза.

«Почему же ты мне изменила, Ася?» — повторяю один и тот же вопрос, на который у меня нет ответа, кроме одного: ей не понравились мои глупые стихи. Да я сейчас и сам понимаю, как глупо это выглядело со стороны. Поэт Ключников, мать его! Еще бы сборник стихов издал!

Как глупо все! Гордость не позволяет спросить у бывшей возлюбленной, почему она мне изменила. Нет, теперь уже подгорает и второй вопрос: куда делась квартира, которую ей

подарил тот, с кем она меня предала? И если квартира была, то как Ася оказалась снова в общежитии? Ее бы ни за что не пустили обратно.

Глава 4

Ася

Иду по аллее, на автомате слизываю капли с быстро тающего мороженого, а в голове шумит. Вот я и в отпуске. Но все мысли только о нем — о новом прокуроре, который такой далекий и в то же время родной. Он же мне стихи посвящал, а я их храню до сих пор. И нет ничего дороже тех строчек, хоть уже пожелтели страницы конспекта, в котором он тихонько выводил складные строчки шариковой ручкой на скучной паре.

Захожу в общежитие, здороваюсь с комендантом, поднимаюсь в свою комнату. Не выдержав своих мыслей, переодеваюсь в спортивную форму и спускаюсь на первый этаж, где снимает помещение фитнес-клуб. Здесь я часто провожу выходные. Боксерские перчатки мне очень хорошо знакомы. В этот раз что есть сил боксирую грушу, молочу ее руками и ногами, а перед глазами снова и снова тот самый подвал. Нас двое — я и еще одна девушка. Мы обе связаны. Я не знаю ее имени, да и теперь никогда не узнаю. Над нами слышны обрывки разговоров — похитители ссорятся. Когда находишься в плену, самое страшное — ожидание, особенно в полной темноте. Время останавливается. Внезапный скрип двери, ее сдавленный вскрик, и хриплый шепот над моим ухом: «Ты — следующая». Я запомнила тот голос, но не видела лица.

«Ты — следующая, ты — следующая, ты — следующая...» — летит эхо воспоминаний.

— Девушка!

Вздрагиваю, оборачиваюсь. Один из фитнес-тренеров озадаченно потирает подбородок.

— Пожалуйста, сбавьте ритм, а то у меня такое ощущение, что груша сейчас оборвется.

Пытаюсь выровнять дыхание, отшатываюсь от мишени.

— Да, простите... — неуверенно бормочу под веселые смешки качков, отжимающих вес. Сажусь на лавку и пью воду из бутылки.

Я едва выжила. Долго пролежала в больнице, но зрение восстановить не получилось. А еще эта пометка «ПТСР»... Похитителей не нашли. Дело подозрительно быстро закрыли, следователя уволили, чем обрекли меня на постоянный страх снова оказаться в лапах у человека, чей голос мне так запомнился.

Можно было бы уехать обратно в родной поселок городского типа, да там у меня никого не осталось — ни родных, ни друзей.

Я прошла переквалификацию, лишь бы остаться причастной к тому, что всегда так нравилось мне.

Ведь, пока я работаю в прокуратуре, я в относительной безопасности. Последние три года так и было: оставшийся на свободе похититель меня бы ни за что не узнал. Разве кому-то захочется похищать замухрышку, поселившуюся в ар-

хиве? И если бы новый прокурор не вырвал меня на свет, не выставил на всеобщее посмешище, все бы и дальше было в порядке. Жила себе мышка-замухрышка в отделе на цокольном этаже, никому была не интересна, а теперь моя маскировка сыграла против меня.

И после всего ему надо, чтобы я пошла с ним на прием! В груди пылает негодование. Так бы и врезала Ключникову по его красивой физиономии за его упорство!

— Ася, подойди сюда, — зовет меня комендант, когда я прохожу по холлу в сторону лифта.

— Что там, Глафира Аркадьевна?

— Посылка. Курьер доставил.

— Мне? Посылка?

Она улыбается, пожимает округлыми плечами и протягивает мне пакет из магазина женской одежды.

И я вдруг понимаю, что это от прокурора. Платье для завтрашнего приема. Сердце сжимается в нехорошем предчувствии — я не хочу идти на прием!

Но стоит представить голубые глаза Ключникова, и сердце начинает биться так сильно, что мне трудно дышать. «А вдруг еще не поздно все изменить? Вдруг для Аси и Лёвы в этом мире еще есть место?» — пылают мысли безумной лихорадочной надеждой.

Поднимаюсь в свою комнату, оставляю пакет с платьем на комод и иду в душевую. Долго принимаю душ, пытаюсь собраться с мыслями.

Выбираюсь, проскальзываю в комнату и осторожно открываю пакет.

Вечернее платье-миди со стразами заставляет меня затаить дыхание. Едва дышу от восторга. Как же давно я не примеряла ничего подобного!

Тщательно вытираю волосы полотенцем, примеряю платье, кручусь перед зеркалом. Прежняя Ася, восставшая из пепла, стоит передо мной в тесной комнатушке. Очки сброшены, шрамы надежно спрятаны под дорогой тканью платья. Не могу удержаться, рука тянется к маленькому флакончику мужской туалетной воды, которую я тайком купила в магазине.

Вдыхаю аромат и прикрываю глаза. По коже летят мурашки.

«Ничего же не случится, если я один раз схожу с прокурором на прием? — уговариваю себя. — Кому есть дело до того, что произошло три года назад? Если похитители живы, они вряд ли вспомнят мое лицо. Такое только в кино бывает».

Глава 5

Прокурор

Прокурор

Когда я подъезжаю к родительскому дому, там аншлаг. У входа в дом не припарковаться: все места заняты автомобилями гостей. К гаражу не подъехать, там тоже успели поставить машину.

Пару минут я кружу по улице, а потом мне удастся приткнуться «Мазду» на парковочном месте у соседей.

Поправляю форму и захожу во двор. Здесь все преобразилось. Лужайка сияет, из невидимых колонок льется приятная музыка, небольшие круглые столы сервированы по высшему разряду, повсюду снуют официанты, в руках у них подносы с шампанским и легкими закусками. Публика на взводе: дамы в красивых вечерних платьях игриво улыбаются и пьют шампанское, их спутники в костюмах галантно беседуют о делах. Что-что, а грандиозные приемы моя мама устраивать мастер! Вот и сегодня постаралась.

— Лев! — слышу голос брата Степана и останавливаюсь. Оборачиваюсь и тут же попадаю в его крепкие объятия. После моего возвращения в город мы еще не успели встретиться, и теперь Степа хочет реванша.

— Ну, привет, поближе, — ехидно ухмыляюсь: за время нашей разлуки брат успел набрать лишние килограммы, и

это весьма заметно.

— Наташа тебя хорошо откормила, — подмигиваю ему.
— А как же качалка? Как твои обещания никогда не набрать лишнего?

Степа смеется.

— Брат, женишься и догонишь меня, поверь. Кстати, мама, похоже, добралась до твоей персоны. Сказала, что еще одной свадьбы по любви она не вынесет. Ты обязан жениться по расчету. Претендентка на твою фамилию уже прибыла, так что будь осторожен.

Я морщусь.

— Заканчивай стебаться! Это ты посоветовал маме нанять детектива, чтобы проверить на вшивость дочь ее подружки?

— А то! — хохочет брат. — Не представляешь, до чего забавно было наблюдать за бедолагой, который парился над отчетом для матушки! Знаешь же, какая она придирчивая!

— По мне, так самая глупая затея из всех твоих грандиозных идей. Даже обсуждать это не хочу. Лучше скажи, где твои спиногрызы? Мне не терпится потискать племянников.

Я высматриваю его пацанов-погодков Макара и Илью, которых видел в последний раз три года назад, когда крестили трехмесячного Илюшу.

— Мальчишки в доме, с Наташей. Она помогает маме. Кстати, ты в курсе, что папа привез бабулю?

— Софию? Сто лет ее не видел! Ладно, пойду переоде-

нусь. А то здесь, судя по всему, дресс-код, в который не вписывается моя форма.

— Лев, тебе можно быть в чем угодно, мама же устроила праздник в твою честь, — летит мне вслед. Степан многозначительно приподнимает бокал с шампанским и едва скрывает ехидную улыбку. — Кстати, будущая госпожа Ключникова уже интересовалась у меня твоей персоной.

Брат замолкает: его отвлекает один из партнеров отца.

Я закатываю глаза и спешу покинуть лужайку до того, как в мои объятия упадет пресловутая будущая госпожа, изученная частным детективом вдоль и поперек. Такая уж у меня семья: общение с родственниками подобно ходьбе по минному полю — никогда не знаешь, кем подложена граната и в какой момент она взорвется.

В доме прохладно. Блаженство! Какое же это наслаждение — подставить лицо под прохладные струи после трудового дня в адской жаре!

— Никогда не слушайте своего отца, он — мошенник. Все адвокаты — мошенники, уж поверьте своей прабабке, — слышу знакомый голос бабули, которая поучает спиногрызов Степана, и не могу сдержать улыбку. Бабушка в своем репертуаре. Выглядит она, как английская королева на приеме: в элегантном платье из светлой ткани, на шее и руках сверкают украшения, и даже летнюю шляпку не забыла надеть.

Ума не приложу, зачем отец привез ее в дом! Сколько себя помню, бабуля всегда была остра на язык, и после ее отъезда

мама неделю мыла все углы с солью, чтобы изгнать негативную энергию. Уж не знаю, чем бабушке насолили адвокаты, но ее едкие замечания всегда доводили нашего отца до белого каления. Надо сказать, что бабушка София была единственным человеком в семье, от которого в детстве я не ждал подвоха. Она, конечно, весьма жестко рубила правду-матку оппоненту в глаза, но за спиной — никогда. А еще она любила мои стихи.

Мне очень хочется обнять бабушку, но я тороплюсь наверх, чтобы переодеться до того момента, когда мое присутствие в доме будет обнаружено родней. После этого от них уже не отобьешься.

Запираюсь в своей ванной комнате, быстро принимаю контрастный душ, чтобы смыть дневной зной, и выбираюсь из ванны в одном полотенце на бедрах.

Захожу в спальню и натыкаюсь на бабушку Софию.

— Лёва, внучок! — Она радуется, как ребенок, и крепко меня обнимает, а я немного ошарашен: это же надо — зайти в мою спальню без стука!

— Бабуль, приветик. Кхм...

— Какой красавчик! — Она отступает на пару шагов и восхищенно смотрит на меня. — Ладно, переодевайся. Только плесни мне сначала коньяку, а то эти изверги считают, что бабушку надо угощать одним чаем.

Приподнимаю бровь, достаю из бара бутылку коньяка, наливаю ей порцию в стакан с красивой огранкой.

— Лей еще, не жалей, — Она довольно потирает руки.
Качаю головой и забираю свой костюм из гардероба.

Спустя пару минут я уже готов к светскому вечеру в кругу родственников и друзей семьи.

Бабуля сидит в кресле у книжного шкафа и задумчиво наблюдает за тем, как я у зеркала пытаюсь повязать галстук в тон летнему костюму из льна. Я рассказываю ей о своей новой должности, о том, как много всего надо успеть сделать за то время, что я буду занимать свой пост.

— А где твоя невеста, Лёва? — звенит в воздухе вопрос, будто выстрел в сердце.

Осекаюсь, приподнимаю озадаченно бровь.

— Какая невеста, бабуль?

— Как — какая? Та, настоящая, которая была с тобой на выпускном вечере в день вручения дипломов. Как ее? Тася? Яся?

Напускная бравада сходит с моего лица, и я мрачнею.

— Ася, — поправляю бабушку. — Так нет ее уже давно, — сообщаю глухо. — Сбежала от меня с каким-то спонсором. Иногородние всегда выбирают то, что выгоднее.

Бабушка усмехается.

— Это тебе отец сказал, что иногородние выбирают то, что выгоднее?

Передергиваю плечами.

— Какая теперь разница? Что было, то прошло.

— Не верю! — строго говорит бабуля. — Ты информацию

проверял?

— Мне ни к чему было проверять. Отец и Степа врать бы не стали.

Они мне доказательства привезли.

Бабушка фыркает.

— Фотоотчет от их частного детектива, небось? Так он мошенник похлеще твоих отца и брата!

Я начинаю злиться.

— Зачем папе и брату меня обманывать?

Она пожимает плечами и ухмыляется так ехидно.

— Не знаю. Может, потому, что кобылка была не племенная?

Я вливаюсь в нее взглядом.

— Ты что-то знаешь об этом? Говори, раз уж начала!

— Еще коньячку плесни, и скажу, — хитро подмигивает бабуля.

Не спуская с нее глаз, наливаю на дно стакана еще маленькую порцию коньяка.

— Будь здоров, внучок! — Бабушка принимает «лекарство» и довольно выдыхает. — М-м-м... хорошо!

— Что ты знаешь? — цежу сквозь зубы, потому что мне уже реально не смешно. Бабуля просто так дразнить не станет. Она что-то знает.

— Была я тут в гостях после твоего отъезда в Москву на обучение, и ночью случайно подслушала разговор твоих родителей. Мама твоя очень переживала, что невеста у тебя не

того поля ягода и что надо избавиться от вашей связи, пока не поздно. А брат твой, Степа, балагурил про детектива и про фотоотчет. Что детектив, который в конторе у них с отцом подрабатывает, руку на фотошопе хорошо набил и сможет помочь. Я тогда не придавала значения их болтовне, а сейчас, когда ты про фотоотчет сказал, вспомнила.

У меня как-то нехорошо сводит скулы.

— Ты сейчас пошутила?! — почти рычу.

— А к чему мне шутить, Лёва? Просто мать твоя вокруг выбранной ею для тебя невесты весь вечер выплясывает. Тьфу, смотреть противно! Вот я и решила выяснить, куда твоя зазноба подевалась, раз мать смотрины решила устроить?

В глазах темнеет.

— То есть...? Обманули меня тогда?! Не было никакого спонсора?!

«Конечно, не было! Иначе она бы не жила по старому адресу!» — мелькает мысль.

Позабыв о бабуле, я несусь вниз. На лестнице едва не сбиваю с ног официанта с подносом.

А во дворе — танцы! Музыканты, которых пригласила мама, настроили аппаратуру и зажигают публику.

Отца не вижу, но на глаза попадается Степан.

Брат уже навеселе, пасется с бокалом возле закусок. Подмигивает проплывающим мимо красоткам, пока Наташа не видит.

Сбивая все на своем пути, иду к нему. Хватаю за грудки.

— Лёва, ты чего?! Какая муха тебя укусила?! — Брат изумленно таращится на меня.

— Давай, рассказывай про фотошоп и частного детектива! Вы придумали те фотографии, на которых Ася со спонсором?! — рычу так яростно, что брат прекращает жевать креветку в кляре.

— Ну... было дело, Лёва, но давай по-честному: зачем тебе эта провинциалка? У нее ни кола ни двора, да и родственников тоже нет! Нет, серьезно, пораскинь мозгами! Не пара она тебе.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не врезать ему в челюсть на глазах у всех.

— Не вам решать, кто мне пара, а кто нет! Вы не имели права так поступить с нами! — рычу, сжимая кулаки от досады.

— Лев, да ты нам спасибо лучше скажи за то, что мы тебя от Аси избавили! Ну придумали сказку, поиграли с фотошопом! Зато свободу выбора тебе сохранили.

— Ты... я... даже слов не хватает!

— Лев! Вот ты где! Ариночка, знакомься: это наш новый прокурор! — звенит голос мамы, и я на миг прикрываю глаза от досады.

— А вот и невесту подогнали! — Степан расплывается в улыбочке и приподнимает свежий бокал. — Совет да любовь, братик! Кстати, зубы у нее ничего.

Втягиваю грудью воздух, с трудом подавляю бурлящее в груди негодование и медленно оборачиваюсь. Через лужайку нам навстречу торопится мама. Она, как всегда, безупречна. Рядом с ней — девушка в элегантном вечернем наряде. Вроде бы все в ней ничего: и рост, и вес, и лицо, как с обложки журнала, но стоит ей улыбнуться, и я понимаю, почему мой брат сказал о зубах.

Зубы маминой избранницы сразу бросаются в глаза: белые, ровные и непривычно крупные. Я никогда в жизни не видел таких идеально ровных белоснежных зубов. И если честно, они немного пугают. Кажется, такими зубками Ариночка отгрызет все, что попадется ей под руку.

— Добрый вечер, мама, — произношу холодно. Сдержанно киваю «невесте», испепеляю взглядом родственников, которые многозначительно переглядываются. Скандал не устроишь: прокурор фигура публичная, а во дворе полно друзей семьи и важных деловых партнеров отца.

— А мне про вас много рассказывали! — Арина с восхищением берет меня под руку. — Хотите, прогуляемся? Познакомимся поближе?

Скольжу по Ариночке оценивающим взглядом.

— Еще бы, конечно, хочу, — цежу сквозь зубы и крепко сжимаю руку навяленной мне суженой.

Мама на седьмом небе. Это видно по сиянию в ее глазах. Брат подхватывает со стола соусницу, заполненную до краев соевым соусом, чтобы щедро полить им креветки на сво-

ей тарелке. Будто невзначай, толкаю его локоть, и соус в тот же миг расплзается по белоснежной рубашке огромным коричневым пятном.

— Ой! — произношу зловеще.

— Ты... ты это специально, Лев?! — Степан с досадой хватая со стола бумажные салфетки и начинает отчаянно тереть, но рубашку не спасти.

Цинично ухмыльнувшись, с непроницаемым лицом проплываю мимо него под руку с Ариночкой. Только что такое рубашка по сравнению с моей сломанной личной жизнью?

Так, с меня хватит! Подвожу «пассию» к Наташе, которая за одним из столиков пытается накормить детей сэндвичами.

— Дядя Лёва, дай пять тысяч! — оживает старший племянник.

— Зачем тебе пять тысяч? — удивляюсь я.

— Как — зачем? — Мальчишка разводит ручонками. — Я на малкетплейсе машинку на радиоуправлении куплю!

Наташа строго посматривает на сына.

— Макар, у нас достаточно машинок!

Понимающе улыбаюсь племяннику, достаю из кармана бумажник и протягиваю ему пятитысячную купюру.

— С братом поделите, понял? — прищуриваюсь строго. Тот сияет. Наташа хмурится.

— Лев, не надо! Избалуеть их.

— Наташ, я же их дядя. Купи им, что они просят.

Она смягчается:

— Ладно. — Но деньги у мелких забирает.

Я же — сама галантность. Отступаю на шаг, подталкиваю свою зубастую спутницу к столику.

— Наташа, это Арина. Прошу любить и жаловать.

Арина краснеет.

— Приятно познакомиться, — едва слышно блеет она.

Краем глаза замечаю, как мой брат истерично жалуется маме на то, что я повел себя, как последняя сволочь, облив его соевым соусом.

«Хомяк!» — дразнюсь про себя в сердцах. В школе Степа был пухлым мальчиком, а еще он жутко любил что-нибудь схомячить, и если не успевал прожевать до начала урока, то прятал еду за щеку. Вот его и прозвали хомяком. К выпускному классу Степа похудел, вытянулся, начал ходить в тренажерку, но прозвище прочно за ним закрепилось. Ох, как он злится, если кто-то упоминает его школьную кличку!

— Присаживайтесь, Ариночка, я только сделаю один звонок и присоединюсь к вашей компании, — сообщаю загадочно и галантно отодвигаю стул.

Наташа с подозрением посматривает на меня. Она опытная, понимает, что в нашей семье без подвоха никак: отвернешься — и тут же подложат свинью. Но Арина проглатывает наживку и послушно садится за столик к малышне.

Подмигиваю ей, поправляю пиджак и стремительно возвращаюсь в дом.

Все, с меня хватит! Я съезжаю от родителей. Нет смысла

оставаться в стане предателей! Лучше поживу в отеле.

Поднимаюсь в свою спальню. Бабушка София все там же, дремлет в кресле под работающей плазмой на полстены. Она, как кошка, устраивается в любом удобном месте, независимо от того, чья это территория.

Стремительно пакую свои костюмы и зубную щетку.

Бабушка приоткрывает один глаз.

— Левушка, ты? Что, смотрины закончились? А как же праздничный фейерверк? Я хотела его посмотреть.

— Фейерверка еще не было, если сейчас спустишься, успеешь, — натянуто улыбаюсь ей. Молния на чемодане никак не хочет застегиваться, и это меня раздражает.

— А ты что, уезжаешь? — Бабуля окончательно просыпается и с подозрением смотрит на чемоданы.

— Мне не о чем разговаривать с этими лицемерами! — бурчу с негодованием. — Они мне жизнь сломали!

Укладываю ноутбук и зарядки.

— И куда ты поедешь? — с недоумением спрашивает бабушка София.

— Переночую в отеле, а там будет видно.

— Лёва, мне жаль, что именно я открыла тебе глаза, — вздыхает она.

— Ничего, бабуля, было полезно сорвать с моих глаз розовые очки. Ты долго здесь будешь гостить?

— Еще неделю. Ума не приложу, для чего твой отец меня сюда привез. И мать — сама любезность. Очень подозри-

тельно. Но, думаю, я скоро выясню причину их дружелюбия.

Я смягчаюсь, склоняюсь к ней и целую ее в морщинистую щеку.

— Позвони мне, если захочешь встретиться. Выпьем где-нибудь в кондитерской по чашечке кофе, поболтаем.

— Поезжай уже, где тебе время найти для старушки? Ты же у нас теперь прокурор, — вздыхает она.

— Ладно, не скучай, бабуль.

Подхватываю чемоданы и выношу их через черный ход к машине. Укладываю в багажник.

Включаю зажигание, и моя «Мазда» трогается с места. На самом деле, прежде чем я найду себе ночлег, я хочу увидеть Асю. Я еду к ней в общежитие. Мне просто необходимо снова увидеть ее глаза.

Машина несется по вечернему городу, а я невесело размышляю. В сердце бурлит досада. В голове не укладывается, что наша с Асей связь прервалась исключительно по моей вине! Меня так хорошо обработали родственнички, а я поверил! Не нашел причин не верить их красноречию!

На пути попадается цветочный бутик, и я сворачиваю туда.

Покупаю пышный букет флоксов. Эти нежные летние цветы напоминают мне прежнюю Асю — ту, которую я так сильно любил пять лет назад, ту, с которой произошло что-то страшное, пока меня не было рядом. Я не смог ее защитить из-за глупого розыгрыша, устроенного отцом и братом.

До общежития я добираюсь, когда стрелки часов приближаются к десяти вечера, и становится ясно, что так поздно меня никто не пустит в гости.

Мне удастся найти место на парковке, и я сижу в машине. Сверлю взглядом знакомое окно на третьем этаже. Там не горит свет. Возможно, Ася уже давно спит? Или ее нет дома? У нее отпуск, она могла сорваться куда-нибудь с подругами. Все же решаюсь попытать удачи. Набираю номер ее телефона. — длинные гудки, нет ответа. Набираю еще и еще — тишина в ответ.

Решаю не сдаваться просто так. Я хочу узнать, что с ней случилось за время моего отсутствия!

Забираю из машины букет и иду к входной двери.

Общежитие студенческое, поэтому на входе, как и пять лет назад, дежурит комендант.

— Мужчина, вы куда так поздно? У нас правило: после восемнадцати часов вечера гостей не пускаем. А шашни со студентками в общежитии вообще под запретом. Здесь вам не дом свиданий!

Прочищаю горло, подхожу ближе. Достаю удостоверение. — Добрый вечер. Прокуратура.

Она с подозрением смотрит на пышный букет флоксов, но турникет открывает, позволяя мне пройти в холл.

Поднимаюсь на лифте на третий этаж. Новая дверь в общий на три комнаты коридор заперта: видимо, здесь действительно строго с посещениями. Постучавшись несколько

раз, понимаю, что до утра мне никто не откроет. Злюсь на себя: зря только время потратил.

Спускаюсь обратно. Уже у выхода притормаживаю и возвращаюсь к коменданту.

— Вы не могли бы передать цветы Асе Киреевой?

— Так вы к Асе приходили? Что же сразу не сказали? — произносит с пониманием комендант. — Подружка за ней приехала, и они вместе куда-то уехали. Давайте букет, как вернется, передам.

Отдаю букет на хранение.

— А от кого букет-то? — летит вопрос, когда я уже открываю дверь.

Отмахиваюсь.

— Она поймет.

Выхожу на улицу. К ночи стало немного прохладнее, и даже приятно пройти по тротуару до машины. Решительно сажусь за руль и завожу мотор. Что ж, возвращение домой совсем не радужное событие. Родственники ни капли не изменились, с бывшей возлюбленной произошло несчастье, о котором никто не хочет упоминать, а еще мне предстоит ночь в отеле. Но я намерен выяснить, что произошло с Асей за время моего отсутствия. Завтра же прикажу извлечь из архива дело, которое закрыли, а первым делом побеседую с тем спасателем из МЧС, который оказался на месте обрушения.

Глава 6

Ася

— Еще немного, и кексы можно будет ставить в духовку.

— Моя неутомимая подруга Катерина смешивает тесто с помощью миксера. Запах стоит потрясающий: ваниль и ранние абрикосы дают аромат.

Не могу удержаться, тянусь рукой к прилипшему по краям миски сладкому тесту и пробую его на вкус.

— М-м-м... сладко! — выношу свой вердикт.

— Еще бы, мы сахара больше, чем муки, положили.

Катя победно улыбается: не каждый день ей удастся меня впечатлить.

Она выключает миксер, быстро раскладывает тесто по формочкам для кексов и щедро украшает его нарезанными на дольки абрикосами. Вскоре кексы подходят в духовке, а мы режем фрукты и сыр.

Сегодня мы готовим особое угощение: клубничный пунш и кексы собственного приготовления. Так мы отмечаем начало моего отпуска. Мы с Катей давно дружим, еще с института, только она, получив диплом, вскоре поняла, что юридическая наука не ее конек, и быстро переучилась на менеджера по туризму. Профессионально мы разошлись, но дружба осталась. Из колонки льется зажигательная музыка, и все

мои невзгоды на время отходят на второй план. Я приплясываю в такт песне и разливаю пунш по высоким бокалам с витиеватыми трубочками.

Катя заталкивает противень с кексами в духовку и поворачивается ко мне.

— Эх, Аська, путевки в Сочи ушли! — сообщает она с досадой.

Я молчу, чтобы ненароком не спугнуть удачу, но моя внутренняя богиня радостно ликует: «Йес, йес, йес!» Как же я рада, что путевки в Сочи уплыли и мне не надо будет таскаться по раскаленным камням в сторону моря! Что ни говори, а коктейль «Любовь на пляже» точно не про меня.

— Но это еще не все. Завтра в десять вечера я отправляюсь в авторский тур по Ростову-на-Дону вместе с группой футбольных фанатов, — продолжает она. — Там на новом стадионе «Ростов-Арена» пройдет несколько футбольных матчей с командами из ближнего зарубежья. Меня ждут семь дней непрерывного футбольного драйва.

Я удивленно приподнимаю бровь.

— С какой-какой группой ты едешь?

— С группой футбольных фанатов. Хочешь с нами? В автобусе есть свободные места, да и в гостинице с видом на набережную Дона у меня номер на двоих. Мы бы с тобой могли весело провести время.

Катя подхватывает стакан с пуншем и, виляя бедрами, вытанцовывает под музыку «Ламбаду».

Я смеюсь.

— Это с трибуны стадиона надо выкрикивать нечто похожее на «Спартак — чемпион!»?

— Да, да, да! А еще петь что-то типа «Оле-оле-оле»!

— Я похожа на болельщицу?

— Нет, не похожа. Но как знать, вдруг у тебя есть тайное увлечение футболом? Или ты коллекционируешь фото красивых футболистов?

— Ты же знаешь, мое увлечение — боксерские перчатки и груша. А еще — женские детективные романы. Ночное путешествие на автобусе с кучкой сомнительных личностей точно не то, о чем я мечтаю.

— Эх, жаль! Мне, если честно, тоже не очень хочется ехать на футбол, но работа есть работа. К тому же там будут красивые мужики. Вдруг встречу своего Серкана Болато?

— Ты несправима, Кать! Сколько Болатов ты поменяла за эту весну?

— Трех. Но где наша не пропадала! Возможно, четвертый раз окажется счастливым. Если что, звони, автобус отходит в десять часов вечера, — Катя с надеждой поглядывает на меня, но я не веду на ее пламенный взгляд.

— Если я внезапно решу променять комфортный диван и книжку на безумное приключение в незнакомом южном городе в компании поджарых футболистов и их фанатов, я тебе обязательно позвоню, — приподняв свой стакан с клубничным пуншем, обещаю ей.

— А вдруг там и для тебя Серкан Болат найдется? — Катя лукаво посматривает на меня.

Отмахиваюсь.

— Ты же знаешь, «они жили долго и счастливо...» — это не про меня.

— Ась, нельзя так. Откуда ты знаешь, может, твоя вторая половинка сейчас где-то рядом?

Я вздыхаю.

— Ключников вернулся, — сообщаю подруге.

— Как... вернулся?! И ты молчишь?!

— Да не ко мне он вернулся, Кать! Его к нам прокурором поставили. А он меня из цокольного этажа выдернул и к себе вместо красотки Котовой поставил.

— О-о-о, как все запущенно! Представляю, как у вас все бурлят от возмущения...

— Еще бы! Лиза Котова — всеобщая любимица, а я — замухрышка.

Прячу глаза, и чувствую, как в горле встает ком.

— Так, ты мне это брось! Что еще за прозвище?!

— Да ведь так и есть. Все меня так за глаза дразнят.

— Ась, если у тебя шрамы и плохое зрение, это еще не значит, что ты хуже Котовой. Честно говоря, я думала, что Ключников останется в столице. Видимо, у папы денег не хватило. А здесь все свои, вот и постарался, чтобы у сына все было хорошо с карьерой. Просто приведи себя в порядок, и все будет отлично. Ты этой Котовой фору дашь.

— Ты не понимаешь, Кать! Я боюсь... я чувствую, что мой похититель близко. Сидит, затаившись, но стоит мне высу- нуться, и ловушка захлопнется! В голове уже три года одно и то же: «Ты — следующая». А Ключников, он... Ты же зна- ешь, какой Лев настырный.

Катерина понимающе накрывает мою руку своей.

— Это паранойя, Ась. Просто дыши глубже, когда прихо- дят эти мысли. Невозможно всю жизнь прожить в архиве. Надо научиться смотреть в глаза своим страхам. А если тот похититель появится на горизонте: помни: у тебя отличная физподготовка. Ты его отправишь в нокаут не глядя! Ой, ка- жется, кексы готовы!

Кексы получаются восхитительные, а клубничный пунш с мятой и кубиками льда здорово освежает. Мы с Катей по- гружаемся в воспоминания о студенческой жизни. Мне хо- рошо, как никогда. Невзгоды отходят на второй план, и да- же прозвище, которое мне дали сослуживцы, не кажется та- ким обидным. В сердце закрадывается робкая мысль: может, подруга права, и мне не стоит прятаться от мира? Три года прошло. Вряд ли похитители вспомнят мое лицо.

В общежитие я возвращаюсь около десяти часов вечера в приподнятом настроении. Как же хорошо, что путевки уплы- ли! Теперь я целых десять дней смогу валяться на диване и читать детективы.

— Ася, ты? — окликает меня комендант и для важности приспускает очки на переносицу. — Тебе тут кое-что оста-

вили.

— Мне? — удивленно оборачиваюсь.

— Тебе, тебе. — Она хитро улыбается и заговорщически шепчет: — Поклонник.

— Ха! — С губ срывается нервный смешок. Где я и где поклонники? О чем она, вообще?

Но Глафира Аркадьевна уверенно протягивает мне букет восхитительных белых флоксов. Я непонимающе хлопаю глазами.

— Ничего себе... Цветы?

— Угу. Искал тебя тут один симпатичный мужчина из прокуратуры. Сослуживец, что ли?

Сердце замирает, а потом обрывается и летит куда-то вниз.

— Из... прокуратуры? А имя назвал? — спрашиваю, растерянно прижимая нежный букет к груди.

— Нет. Но сказал, что ты поймешь, от кого, — многозначительно подмигивает мне она.

Я на несколько мгновений зависаю. В голове хаос, сердце колотится, как сумасшедшее. Сжав букет так, как будто у меня кто-то собирается его отнять, и тороплюсь к себе в комнату. В секции, кроме меня никого нет: жильцы двух соседних комнат уехали на лето домой. Все иногородние. Остались только самые стойкие, такие, как я.

Рассеянно сажусь на край постели и долго рассматриваю каждый лепесток, не веря, что это мне. Глаза обжигают сле-

зы. Я знаю, кто принес букет. В душе все бурлит, шипит, взрывается... и меня словно накрывает самая сильная магнитная буря из всех возможных. Как странно и нереально! Почему после такого долгого молчания вдруг оттепель? Ничего не пойму...

Достаю мобильник. От Ключникова пропущенные вызовы, что подтверждает мою догадку. Уже поздно, и перезвонить ему я не решаюсь: все же начальник. Поэтому просто пишу сообщение: «Спасибо за цветы».

Чувствую, как меня бросает в жар. Не знаю, что еще написать. Перечитываю свое сообщение несколько раз, а глаза обжигают слезы. Нет, он его не читает. Уже, наверное, поздно.

Вспоминаю, что надо идти на прием к неприятному Хвостову, и настроение стремительно падает. Все мое существо противится этому походу.

Так и не дождавшись ответа на свое сообщение, я кладу цветы на маленький комод и нахожу пыльную вазу, которая уже много лет стоит на стеллаже. Временами я подумываю ее выбросить за ненадобностью. Выхожу в холл, распахиваю дверь на общую кухню, чтобы набрать воду для цветов. Включаю кран, жду, когда наберется вода, рассеянно поднимая взгляд на выдавшее виды зеркало и... с ужасом отшатываюсь.

«ТЫ — СЛЕДУЮЩАЯ!» — гласит крупная надпись красной губной помадой.

Из горла рвется вскрик, в глазах темнеет, я на ощупь бросаюсь вперед и натыкаюсь на соседку из секции напротив, которой, как и мне, некуда податься на лето.

Далеко не интеллектуалка тетя Люся в потертом халате, резиновых сланцах и с тюрбаном из полотенца на голове отшатывается в сторону. У нее в руках большая кастрюля с фаршированными перцами. Крышка от кастрюли срывается и с грохотом катится по полу. Люся недовольно поглядывает на меня.

— Ася, что случилось? Ты мышь увидела?

— Кто-то... кто-то это написал... — всхлипываю истерично.

— Ёшкин кот! — Соседка нервно сглатывает. — Я такое в ужастиках видела. Джек-Потрошитель идет за своей жертвой. За такой надписью обычно следует убийство, — подливает масла в огонь своим зловещим предсказанием и тут же успокаивает: — Ты только не волнуйся, в кино и не такое придумают! Надо Глафиру позвать...

Водрузив кастрюлю на плиту, тетя Люся бежит в коридор.

— Глаша! — свесившись вниз, громко кричит она. — Сюда пойдешь, у нас тут форс-мажор!

Я не шевелюсь, просто стою и смотрю на надпись, а из горла рвутся всхлипы. Посттравматическое стрессовое расстройство дает о себе знать. Все мои боксерские навыки меркнут перед прямой угрозой от неведомого маньяка. Перед глазами мелькают воспоминания, одно за другим, снова

и снова... Страшный подвал, крошечная тьма, шепот: «Ты — следующая», а потом — взрыв и обрушение. Несколько суток под завалами без малейшей надежды на спасение, и влажный нос собаки-спасателя, которая, как потом выяснилось, никак не хотела уходить. Ее упорство спасло мне жизнь.

Соседка возвращается на кухню. В руках у нее кочерга. За ее спиной — непобедимая Глафира Аркадьевна с деревянной шваброй наперевес. Вооружились тем, что нашли.

— Через турникет я пропустила только прокуратуру и электрика дядю Васю... А, нет, был еще доставщик пиццы, странный такой. Может, полицию вызвать? — осмотрев зеркало, предлагает Глафира Аркадьевна.

Тетя Люся отчаянно кивает.

— Неплохо бы полицию.

Почему-то я не могу говорить. Хочу, и не могу. Просто стою в каком-то ступоре и хватаю ртом воздух, как рыбка, выброшенная на берег.

— Ась, у тебя мобильник звонит. — Тетя Люся многозначительно приподнимает ярко накрашенную бровь.

Вздрагиваю, выхватываю из кармана мобильник и не глядя всхлипываю в трубку:

— Да?

— Ася, привет. Это Лев... Ты... плачешь?

— Я? Нет... я...

— Это из-за букета? Я не хотел тебя расстроить, честное

слово! Прости за мой порыв. Я понимаю, что слишком поздно для объяснений.

Я пытаюсь вдохнуть и не могу. Из горла рвутся сдавленные стоны, похожие на рыдания.

— Ася? — Такой близкий и в то же время далекий голос Ключникова никак не может вывести меня из ступора. Не могу говорить, и все!

Тетя Люся раздраженно выхватывает у меня телефон.

— Ее хотят убить! — нависая надо мной, орет в трубку она. — Тут такое! Как в фильмах ужасов! Приезжайте скорее, если хотите застать ее живой!

— Понял. Уже еду, — летит ответ, а следом слышатся короткие гудки.

Новый шок выводит меня из ступора. Только Ключникова в общаге не хватало посреди ночи!

—Что?! Нет! — Трясу телефон, но абонент вне зоны действия сети. — Зачем вы ему это сказали?!

Тетя Люся и Глафира переглядываются. Люся страшно округляет глаза.

— А что? Пусть знает, что тебя скоро убьют!

— Да с чего вы взяли, что это послание для меня?! Может, кто-то пошутил! Мало, что ли, студентов здесь проживает? Кто-то просто решил приколоться... — шиплю с досадой. Ох уж этот синдром! Ввел меня в ступор из-за фразы «Ты — следующая». Но эту фразу кто угодно мог написать!

Снова набираю номер Ключникова, но он не отвечает. Я

чуть не плачу.

Как его отменить?! Он мне сейчас здесь меньше всего нужен!..

— Ась, ты все же дверь лучше изнутри шваброй-то подопри. А то, как знать... береженого Бог бережет. —Тетя Люся многозначительно поднимает вверх указательный палец и возвращается к своим перцам. Глафира, помедлив, вручает мне швабру и кочергу.

Я хмурюсь. Нашлась пророчица! Но стоит мне покинуть пределы кухни, как страх накатывает новой волной. Я пугаюсь шорохов, вздрагиваю от собственной тени, и мне совсем не хочется оставаться одной в своей комнате: секция-то пуста.

Чтобы хоть как-то отвлечься, ставлю пышный букет в воду. Начинаю всерьез задумываться о швабре: замок на двери кажется мне хлипким.

Я даже переодеться не решаюсь, так и сижу на краю кровати в джинсах и футболке, в которых ездила в гости к подруге.

Громкий стук в дверь заставляет меня вздрогнуть, но лишь на мгновение. Следом летит приглушенный голос нового прокурора:

— Ася, это я! Открой!

А дальше — голос соседки Люси из кухни.

— Ой, а вы следователь? Быстро же полиция работает! Сюда идите, сюда, я вам сейчас покажу надпись на зеркале...

Несколько мгновений я сижу неподвижно. Как же стыдно! Какой-то шутник оставил надпись на зеркале, а теперь здесь Ключников, которого Люся приняла за следователя...

Срываюсь с места, отпираю замок на двери и сломя голову несусь на кухню.

Глава 7

Ася

Да, там Ключников, сомнений нет. Он все так же прекрасен в светлом костюме из льна и голубой рубашке под цвет глаз. Глафира Аркадьевна тоже тут. Топчется, с вожделением поглядывает на красивого мужчину. Еще бы, такой форс-мажор в общежитии — явление прокурора! Они с Люсей себе уже нафантазировали и наперебой пичкают его байками о том, что Джек-Потрошитель вышел на охоту и что отныне он будет похищать наших студенток одну за другой.

— Ася, добрый вечер. — Ключников озабоченно смотрит на меня.

Тушуюсь от приятного аромата его туалетной воды, которую прячу в старом комоде, и отступаю из кухни в глубь коридора.

— Нет, не добрый. Зря вы приехали, Лев Борисович, глупости это все.

— Глупости? Что-то мне так не кажется. — Ключников достает мобильник и делает несколько фото надписи на зеркале. — Надо вызвать полицию. Пусть следователь этим занимается.

— Следователь нас засмеет! — Я неловко всплескиваю руками. — Подумаешь, какой-то шутник в студенческом общежитии написал помадой угрозу? Просто мой травматиче-

ский синдром дал о себе знать, вот я и не совладала с эмоциями.

Лев Борисович качает головой и строго смотрит на меня.

— Вещи собирай.

— Это еще зачем?.. — Пячусь от него к выходу.

— Затем, что я тебя здесь не оставлю. Пока не выясним, что происходит, будешь под моей личной защитой.

Я вспыхиваю до корней волос.

— Да бросьте вы, Лев Борисович! — бормочу в смятении. Одно дело в отделе вместе работать, а вне работы рядом оказаться — совсем уже из ряда вон!

— Дело он говорит! — вступает в бой Глафира Аркадьевна и, уперев руки в боки, строго смотрит на меня. — Пойдем, Ася, я тебе собраться помогу. В твоей секции ни души! Захотят укокошить — никто не услышит!

— Она уверенно берет меня под руку и ведет к комнате.

Я подавлена, растеряна и никак не могу взять ситуацию под контроль.

— Ася, да ты с ума сошла?! — захлопнув дверь, яростно шепчет Глафира Аркадьевна. — Разве можно от помощи такого мужика отказываться?! Бери, пока тепленький! Мы ему шас мозги запудрим, о подозрительных личностях расскажем, пусть думает, что все очень серьезно. А ты поезжай с ним и ушами не хлопай! Такие красавцы на дороге не валяются. Раз букет принес, значит, заинтересован. Такие любят героями себя чувствовать.

— Успокойтесь, Глафира Аркадьевна! — В отчаянии машу руками. Хочу добавить, что такому красивому мужчине, как наш прокурор, и даром не нужна замухрышка Ася, но Глафира мне рта раскрыть не дает.

— Ася, слушай тетю Глашу! — рывкает строго и, засунув руку в карман своего кафтана, в котором выходит на дежурство, вручает мне блеск для губ. — Вот, лореалевский, из последней коллекции. Персиковый цвет, как раз в тон твоей шевелюре. Я его распечатать еще не успела.

Я изумленно посматриваю на нее: откуда у нее блеск для губ из новой коллекции? А за шевелюру обидно: никакая она у меня не персиковая, а цвета пережженной карамели!

Под шумок Глафира укладывает в спортивную сумку самые необходимые для ночевки вещи. Платье и босоножки тоже кладет в красивый пакет из магазина.

— Все, давай. Вперед! — И выталкивает меня с сумкой из комнаты.

В коридоре уже топчется весьма привлекательный здоровенный следователь и его опера. Соседки просто в диком восторге от происходящего! Их можно понять: не каждый день на твоей улице переворачивается грузовик с красивыми мужиками.

— Майор Кушаков, — строго представляется следователь. — Вы Ася? У меня есть к вам пара вопросов.

— Ну зачем вы вызвали следователя?! — вспыхиваю я и с укором смотрю на прокурора.

Ключников приобнимает меня за плечи.

— Слушай сюда, Киреева: возражения не принимаются. Все, точка! Я обрисовал следователю ситуацию, завтра утром мы поднимем из архива дело, из-за которого у тебя в деле стоит пометка о травме, и начнем новое расследование, — безапелляционно произносит он.

Я растерянно поглядываю на него. Да, тот, кто назначил нам нового прокурора, погорячился. Почти полночь, а он не знает, что такое покой. Готов работать и работать хоть до утра. Где у него кнопка, чтобы выключить его чрезмерно активную деятельность?

Следователь Кушаков внимательно слушает мою историю прямо на кухне, усевшись напротив меня за шатким потертым столом, что-то помечает в своем блокноте и заполняет протокол. Деятельный мужчина, под стать прокурору. От того, что вокруг меня серьезные люди, которые получили звание и погоны не просто так, моя неловкость усиливается. Ну, правда, написал кто-то фразу, повеселился, а у меня сработала паническая атака. Тут не следователя надо было вызывать, а психолога.

Но за моей спиной, скрестив руки на груди, стоит Ключников, и я понимаю, что от него не сбежать. Стойкий аромат его туалетной воды приятно кружит голову, и это единственное положительное ощущение из всей нарисовавшейся картины абсурда.

Следователь Кушаков безжалостно задает мне вопросы.

Меня потряхивает. Нет, меньше всего на свете этой ночью я хочу окунуться в бездну, которой старательно избегаю уже три года.

— В тот день я просто вышла из торгового центра. Шла мимо стоянки машин, когда на меня внезапно напали сзади. Лицо закрыли салфеткой с едким запахом, и я потеряла сознание. Очнулась в подвале, в крошечной темноте. Я была не одна, со мной там находилась еще одна девушка. Ее убили. Фраза: «Ты — следующая» обожгла мой слух, а потом все снова померкло. Я плохо помню, что было дальше, простите... Был какой-то взрыв и обрушение. Я сто раз рассказывала эту историю предыдущему следователю, и мне меньше всего на свете хочется вспоминать те часы, которые я провела в подвале.

Всхлипываю. Плечи сотрясаются от рыданий. Мне плохо, очень плохо!

Чувствую, как кто-то сзади ободряюще обнимает меня за плечи. Интуитивно угадываю, что это прокурор.

Следователь еще раз осматривает надпись на зеркале. Хмурится.

— Дело в том, Ася, что вторую девушку так и не нашли. Но завтра мы достанем дело из архива и дадим ему новый ход, — обещает он. Смотрит внимательно на Ключникова, отзывает его в сторону и что-то тихо говорит.

Растираю слезы по лицу, послушно пью принесенный сердобольной Люсей корвалол.

Ключников озабочен. Он возвращается ко мне и мягко накрывает мою руку своей.

— Ася, в связи с новыми обстоятельствами здесь оставаться опасно. Ты едешь со мной.

Я с ужасом смотрю на него.

— У меня отпуск! Я хотела поваляться на диване и почитать детективы, — никак не могу успокоиться. — Ночевка в другом месте не входит в мои планы.

Глафира хмурится и исчезает в темном коридоре.

Спустя несколько мгновений она появляется на кухне со стопкой моих новеньких книг.

— Вот, держите. — Она вручает Ключникову книги. — Негоже Асе здесь одной оставаться. Лето в нашем общежитии — время тишины, а вы точно сможете о ней позаботиться. — И смотрит на него так проникновенно, что даже у меня мурашки бегут по коже от ее посылы.

— Смогу, не сомневайтесь. — Ключников пронизывает меня прямым, как выстрел в упор, взглядом, и я понимаю, что от него не отвертеться.

Поднимаюсь из-за стола. Театр абсурда окончательно вышел из-под контроля, и я не знаю, как вернуть все обратно.

Мы выходим из общежития. Ключников укладывает сумку с моими вещами и книги в багажник, а я нерешительно нунусь рядом с его «Маздой».

Захлопнув багажник, Ключников на миг останавливается передо мной и берет меня за руку.

— Не переживай, Ась. Мы его поймаем, обещаю, — произносит тихо, но в его голубых глазах столько решимости, что у меня нет повода ему не верить.

Он открывает дверцу, пропуская меня вперед, и вскоре садится за руль.

Несколько мгновений я молчу, а потом у меня срывается вопрос:

— А куда мы едем?

Его губы трогает ироническая улыбка.

— В отель.

— Лев Борисович, вы хотите поселить меня в отель?

— Нет, это я там поселился.

— В отеле? — переспрашиваю неуверенно.

— С некоторых пор — да.

— А как же ваша семья?

Он качает головой.

— Ась, людей, от которых постоянно ждешь подвоха, сложно назвать семьей. Скажем так: сегодня мои отношения с семьей вышли на новый уровень непонимания.

Мне снова хочется его поправить. Попросить не переходить на «ты», но вместо этого почему-то осторожно произношу банальное:

— Сочувствую.

Он молчит. Больше мы не разговариваем. Я просто не знаю, о чем с ним говорить. Мне неловко находиться так близко к нему. Мы не виделись столько лет, а теперь...

До отеля добираемся быстро. Ключников выбирается из машины первым и достает мои вещи из багажника.

— Давайте, я возьму книги. — Я успеваю выхватить у него стопку своих детективов, прежде чем он успевает возразить.

— Хорошо, если тебе будет так комфортнее, можешь нести книги, — помедлив несколько мгновений, соглашается он.

Мы поднимаемся на лифте на второй этаж и останавливаемся перед дверью гостиничного номера. Ключников пропускает меня вперед, ставит сумку с моими вещами на пол перед шкафом и небрежно бросает на комод ключи от машины и бумажник.

— Есть хочешь? — как ни в чем не бывало интересуется он.

Я настороженно осматриваюсь. Номер хороший, только вот диван в зоне гостиной не раскладывается. А кровать в спальней зоне одна, и это тревожит меня больше, чем его упорное обращение ко мне на «ты».

— У меня суши и роллы, как раз на две персоны. Заказ принесли перед тем, как ты написала благодарственное сообщение, — продолжает Ключников. Затем скидывает пиджак, ослабляет галстук, и у меня перехватывает дыхание. Все его действия вводят меня в легкий ступор и заставляют сердце замирать. А где-то внутри против воли вспыхивает истинно женское восхищение его сексуальным образом.

— И давно ты тут живешь? — Осматриваюсь по сторонам

в надежде найти хоть что-то обжитое.

— Нет, — качает головой он. — Каких-то минут сорок, не больше. — И оказывается так близко, что я нервно сглатываю. Нет, совсем непорядок! Какой-то неправильный у меня отпуск...

— Ась, я устал. Мы ведь с тобой не чужие люди? Давай сегодня без официоза, ладно? — Он снимает с мускулистого запястья стильные золотые часы и расстегивает пуговицы на рубашке. — Садись, сейчас поедим и ляжем спать.

Под расстегнутой рубашкой проступают твердые мышцы его накачанного торса, и я снова нервно сглатываю.

— А как мы ляжем спать? — хрипло шепчу из-за волнения, которое он вызывает во мне своим внешним видом.

Ключников озадаченно смотрит по сторонам.

— Сегодня как-нибудь переночуем здесь, а завтра разберемся.

— То есть?.. Я не хочу занимать твое личное пространство и время еще и завтра! Можно, я просто буду жить своей жизнью?

Он строго смотрит на меня.

— Нет! До тех пор, пока мы не справимся с твоим синдромом и не поймаем преступника, об этом не может быть и речи! — И тут же меняет тему: — Суши хочешь?

Я перевожу взгляд в зону гостиной.

На столике одиноко стоит большой бумажный пакет из суши-ресторана.

— Хочу, — неожиданно для себя сообщаю смело.

— Вот и отлично! — Ключников обаятельно улыбается, находит в шкафу футболку, натягивает ее на свой умопомрачительный торс и подсаживается ко мне.

Столик небольшой, и нам едва хватает места. Лев раскладывает пластиковые коробки с суши и роллами, протягивает мне запакованные китайские палочки.

Некоторое время мы молча едим суши. Китайские палочки и журнальный столик не совсем удобное сочетание, но я ловко справляюсь с угощением. Ловлю себя на мысли что не ела суши очень давно. Я и забыла, что Лев их обожает. Вот с ним в прошлой жизни мы и лакомились китайской кухней, именно так, как сейчас. И такое ощущение, будто ничего не изменилось. Просто его не было рядом целых пять лет, а теперь он появился — и все стало как раньше.

— Зачем тебе это, Лев? — спрашиваю тихо, ворочая палочками ароматный имбирь в коробке. — Ты ведь бросил меня, помнишь? Просто ушел, даже не сообщив о том, что между нами все кончено.

Он откладывает палочки и напряженно смотрит на меня.

— Ась, я... — неловко усмехается Ключников и проводит рукой по волосам рукой. — Я все помню. У нас с тобой было счастье, и я это счастье проворонил.

— А у меня там все сломалось. — Прикладываю руку к сердцу. — После предательства любовь умирает. Сначала больно, пытаешься найти ответ на вопрос, «почему», а по-

том постепенно становится все равно.

Ключников напряженно сглатывает.

— Ась, ты хочешь знать, почему я тебя бросил?

Качаю головой.

— Раньше хотела, а сейчас уже не уверена. Мне и так несладко. Уже три года пытаюсь ужиться со своим расстройством.

— Меня обманули, — пропустив мое предупреждение, продолжает он. — Обдурили, как глупого ребенка, а я поверил.

— Во что поверил?

— А, не важно... — Он не смотрит на меня, морщится, как от зубной боли. — В нашем с тобой разрыве виноват только я один. Я понимаю, что уже ничего не изменить, и что доверия ко мне нет, тоже понимаю. Просто хочу, чтобы ты знала: в моем сердце по отношению к тебе ничего не изменилось.

Я замираю с палочками в руках, потрясенно смотрю на него и никак не могу понять, шутит он или нет.

— Обещаю, я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была в безопасности, особенно сейчас, когда ты так уязвима. — Он чувствует неловкость, отводит взгляд. Снова проводит по волосам рукой и начинает собирать со стола пустые коробки.

Я молчу. Сажусь на диване, пытаюсь осознать его слова. Я для него что-то значу? Даже сейчас?

«Особенно сейчас, когда ты так уязвима»

«В нем разыгралась жалость», — понимаю с досадой.

— Ложись на кровать, а я посплю здесь, — принимает он решение, когда мусор уничтожен.

Я скептически посматриваю на диван, который слишком мал даже для меня.

— Ты не поместишься на диване, — качаю головой.

— Логично. — Он несколько мгновений размышляет. — Что ж, тогда я могу лечь на полу.

Я шумно выдыхаю.

— Поделим кровать. Можно будет ее разделить на две половины с помощью диванных подушек, — принимаю решение и уверенно тяну подушки с дивана на себя.

Лев, помедлив, присоединяется ко мне. Вскоре наше спальное место готово. Тесновато, но зато мы оба на кровати. Между нами —баррикада из подушек.

Ключников несколько мгновений потирает подбородок, а потом выдает:

— Оригинально.

— Оригинально или нет, а я в душ первая, — окончательно осмелев, заявляю ему и скрываюсь за дверью ванной комнаты. Кажется, нам предстоит ночь за стеной из диванных подушек.

Глава 8

Прокурор

Я задерживаюсь на балконе. Просто стою, уставившись на ночной сквер, раскинувшийся через дорогу от отеля, и размышляю. Как же быстро мы с Асей оказались в одном номере! И будто не было этих пяти лет. Она в моей постели, и от этого в сердце пожар. Она такая ранимая и уязвимая, и мне хочется оберегать ее от всего мира: от насмешек более успешных сослуживиц, от загадочного и опасного маньяка, решившего активизировать свою деятельность, стоило мне вернуться. Сурово хмурюсь, стоя под струями воды. Уж маньяка-то я из-под земли достану! Посплю пару часов и с раннего утра отправлюсь в МЧС. Мне надо переговорить с этим Николаем, который спас Асю, лично и тайно, так, чтобы комар носа не подточил, а потом приглашу следователя, чтобы окончательно собрать этот дурацкий пазл с похищением Аси. Кушаков мужик толковый, он не оставит дело без внимания.

Толкаю балконную дверь и возвращаюсь в комнату. Там царит полумрак, только маленький светильник над кроватью дает небольшой свет.

Ася тихо сопит, свернувшись клубочком под одеялом.

Я подхожу ближе, задерживаюсь на миг у ее стороны кровати. В сердце щемит неясная нежность. Поправляю рыже-

ватую прядь, упавшую на ее щеку. Понимаю, что пять лет спустя ничего в моей жизни не изменилось. Сейчас, когда Ася так близко, она для меня все, весь смысл моей жизни. Подавляю порыв прикоснуться к ней и отправляюсь на свою сторону кровати. Надо спать, только сон совсем не идет. Я лежу, уставившись в потолок, а в памяти всплывают обрывки нашего с Асей прошлого. Так и засыпаю под воспоминания, в которых мы с ней вместе.

Утро нещадно врывается в мой сон трелью в телефоне, и я с ужасом осознаю, что это не будильник.

Ася сонно открывает глаза. С тревогой смотрит по сторонам.

— Черт! — Провожу по волосам рукой. — Кажется, я проспал.

Начинаю метаться по гостиничному номеру. Открываю чемодан, и из горла рвется разочарованный рык: понимаю, что костюмы безнадежно смяты после переезда, а костюм очень нужен — на девять часов утра у меня назначена встреча в администрации, там будут СМИ.

Ася молча соскальзывает со своей стороны кровати и открывает шкаф.

— Здесь есть отпариватель, я могу попробовать спасти твой костюм, — уверенно заявляет она.

Задерживаю на миг взгляд на ее футболке с вышитым на груди котенком.

— Что бы я без тебя делал? — выдыхаю с надеждой.

Вручаю ей костюм и отправляюсь в ванную комнату. Мысленно ставлю пометку, что на ресепшене надо не забыть заказать Асе завтрак в номер. Кушаков обещал с утра пораньше прислать кого-нибудь из оперативных сотрудников в гостиницу, они установят слежку за номером. До вечера я могу спокойно заниматься своими делами.

Когда я снова появляюсь в комнате в полотенце на бедрах, натыкаюсь на Асю. Костюм уже готов. Висит на вешалке, как новенький.

— Получилось! — не без гордости сообщает мне Ася, а сама краснеет и отводит взгляд от моего торса.

— Ась...

Ловлю ее запястье и легонько сжимаю. Осторожно привлекаю к себе ближе и пронизываю откровенным взглядом. Чувствую, как она дрожит в моих руках, и от этого пронизывает отчаяние — неконтролируемое желание прижать ее к себе и поцеловать в губы, а потом уложить в постель и присвоить по-настоящему, становится невыносимым.

— Давай переживем вечер у Хвостова, а потом где-нибудь поужинаем вместе? Я приглашаю, — произношу тихонько, боясь спугнуть удачу.

Асю бросает в краску от смущения.

— Лев, я... я не знаю... — шепчет одними губами.

Мы неотрывно смотрим в глаза друг другу. Нет ничего важнее нашего взгляда, такого откровенного, царапающего душу. Я осторожно притягиваю ее к себе. Мое мужское есте-

ство больше не желает ждать! Оно жаждет Асю — хрупкую, беззащитную, ранимую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.